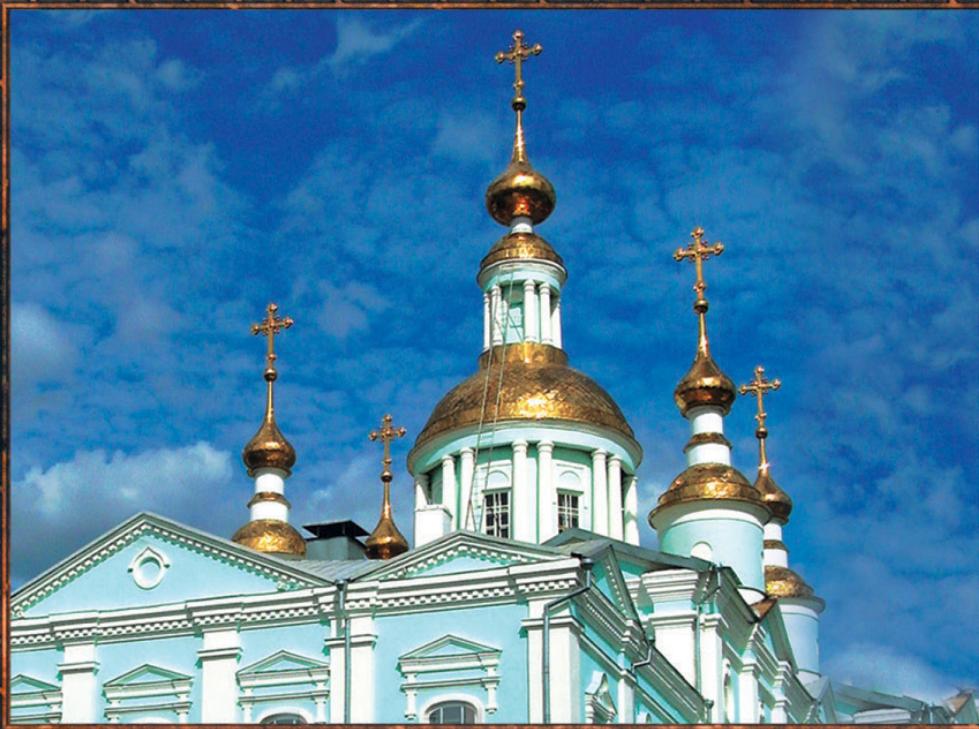

СОКРОВИЩИЦА

ДУХОВНА

Святитель
Феофан Затворник

ПУТЬ
КО СПАСЕНИЮ

Духовная сокровищница

святитель Феофан Затворник

Путь ко спасению

«Издательство Сретенского Монастыря»

1899

УДК 271.2-4
ББК 86.372

святитель Феофан Затворник

Путь ко спасению / святитель Феофан Затворник —
«Издательство Сретенского Монастыря», 1899 — (Духовная
сокровищница)

ISBN 978-5-7533-1570-0

Книга «Путь ко спасению» – итоговое произведение святителя в серии его трудов под названием «Начертание христианского нравоучения». Эта серия была задумана как руководство на пути становления христианских добродетелей человека в течение всей его жизни – от рождения и до смерти.

УДК 271.2-4
ББК 86.372

ISBN 978-5-7533-1570-0

© святитель Феофан Затворник, 1899
© Издательство Сретенского
Монастыря, 1899

Содержание

От издателей	6
Введение	7
Отдел I	9
Как начинается в нас христианская жизнь?	9
Отдел II	13
Как начинается жизнь христианская в Таинстве Крещения?	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Святитель Феофан Затворник

Путь ко спасению

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р19-914-3273

Печатается по изданию: Феофан, еп. Путь ко спасению. (Краткий очерк аскетики). Ч. 3. Начертание христианского нравоучения. М., 1899.

© Сретенский монастырь, 2011

От издателей

Книга «Путь ко спасению» – итоговое произведение святителя Феофана Затворника в серии его трудов под названием «Начертание христианского нравоучения». Эта серия была задумана святителем как духовное руководство для людей самых разных слоев общества. Источники, на которые опирался епископ Феофан, – слово Божие, учение святых отцов Церкви, аскетические писания отцов-подвижников, жития святых и церковные песнопения, прославляющие христианские добродетели. Книга святителя выдержала множество изданий, но ее актуальность только возрастает.

Введение

В «Начертании христианского нравоучения» изображены обязательные для нас чувства и расположения, но этим сказано далеко не все потребное к устройению своего спасения. Главное дело у нас – действительная жизнь в духе Христовом. А этого только коснись – сколько откроется недоумений, и сколько поэтому потребно указаний, и притом почти на каждом шагу!

Правда, там последняя цель человека указана: в общении с Богом, и путь к ней изображен: это вера с хождением в заповедях, при помощи благодати Божией. Приложить бы только слово: вот путь! Иди!

Легко сказать: вот путь, иди! Но как сделать это? Большею частью недостает желания идти. Упорно отрывает душа, увлеченная какою-либо страстью, всякое понуждение и всякий призыв, очи от Бога отвращает и смотреть на Него не хочет. Закон Христов не по сердцу, ей и слушать о нем нет расположения: душа, как говорят, не лежит. Спрашивается, как же дойти до того, чтобы родилось желание идти к Богу путем Христовым; как сделать, чтобы закон напечатлелся в сердце и человек, действуя по этому закону, действовал бы от себя, непринужденно, чтобы закон этот не лежал на нем, а как бы исходил от него?

Но пусть обратился кто к Богу, пусть возлюбил закон Его; самое шествие к Богу, самое хождение путем закона Христова необходимо ли уже и будет ли успешно только потому, что мы возжелали сего? Нет. Кроме желания необходимо еще иметь силы и умение действовать: нужна мудрость деятельная. Кто вступит на истинный путь богоугождения или начнет при благодатной помощи стремиться к Богу путем предначертанного закона Христова, тому неминуемо будут угрожать опасности сбиться на распутья, заблудиться и погибать, воображая себя спасаемым. Эти распутья неизбежны даже и в обращенном вследствие остающегося греховного позыва и расстройства сил, которые и в этом состоянии способны представлять вещи в превратном виде – прельщать и губить человека. К этому присоединяется лесь от сатаны, который неохотно расстается со своими жертвами и, когда кто из области его пойдет к свету Христову, гонится вслед его и всякие расставляет сети, чтобы снова уловить, и нередко действительно уловляет. Следовательно, и тому, кто имеет уже желание идти указанным путем к Господу, необходимо еще указать все уклонения, возможные на этом пути, чтобы шествующий наперед был предварен о них, видел возможные опасности и знал, как избежать их.

Эти общие всем неизбежности на пути спасения делают необходимыми особые руководительные в христианской жизни правила, которыми должно быть определено: как дойти до спасительного желания богообщения и ревности пребывать в нем и как безбедно пройти к Богу среди всех распутья, возможных на этом пути по всем степеням, иначе: как начать жить по-христиански и как, начав, усовершениться в этом. Сие руководство должно взять человека вне Бога, обратить к Нему и потом привести пред Лице Его; должно проследить жизнь христианскую в ее явлениях, на деле, от начала до конца, то есть как она засеменяется, развивается, зреет и приходит в полноту, или – что то же – написать историю деятельной жизни каждого христианина с показанием того, как в каком случае должен он действовать, чтобы устоять в своем чине.

Засеменение и развитие жизни христианской существенно отлично от засеменения и развития жизни естественной. Это зависит от особенного характера христианской жизни и отношения его к нашей природе. Человек не рождается христианином, а становится таковым после рождения. Семя Христово падает на землю сердца уже бьющегося. Но как естественно рожденный человек поврежден и противоположен требованиям христианства, то, как, например, в растении начало жизни есть возбуждение ростка семени, пробуждение как бы спящих сил, начало истинно христианской жизни в человеке, есть некоторое воссотворение, дарование новых сил, новой жизни. Далее, пусть воспринято христианство как закон, то есть положена

решимость жить по-христиански: это семя жизни (решимость) не бывает окружено в человеке благоприятствующими ему стихиями; и при этом весь человек, его тело и душа, остаются неприспособленными к новой жизни, непокорными игу Христову; потому с этой минуты начинается у человека потовой труд – образовать всего себя, все свои силы по-христиански. Вот почему, тогда как возрастание, например, у растений есть постепенное развитие сил, легкое, непринужденное, у христианина оно есть многотрудная борьба с самим собой – напряженная и скорбная, и ему надо настраивать свои силы на то, к чему у них нет расположения: он, как воин, каждый шаг земли, хотя своей же, должен отнимать у врагов войной – обоюдоострым мечом самопринуждения и самопротивления. Наконец, уже после долгих трудов и усилий христианские начала являются победоносными, господствующими без сопротивления, проникают во весь состав естества человеческого, вытеснив из него враждебные себе требования и стремления, и ставят его в состояние бесстрастия и чистоты, сподобляя блаженства чистых сердцем – зреть Бога в себе в преискреннем с Ним общении.

Таково положение в нас жизни христианской. Она имеет три степени, которые по свойству их можно назвать так: первую – обращением к Богу, вторую – очищением, или самоисправлением, третью – освящением. На первой – человек обращается от тьмы к свету, от области сатанины к Богу; на второй – очищает храмину сердца своего от всех нечистот, чтобы принять грядущего к нему Христа Господа; на третьей – Господь приходит, вселяется в сердце и вечеряет с ним. Это состояние блаженного богообщения – цель всех трудов и подвигов!

Изобразить все это и определить правилами и будет значить – указать **путь ко спасению**. Полное в сем деле руководство берет человека на распутьях греха, проводит огненным путем очищения и возводит до возможной для него степени совершенства, в меру возраста исполнения Христова. Иначе, оно должно показать:

1. как начинается в нас христианская жизнь;
2. как совершенствуется – зреет и крепнет;
3. какой является в полном своем совершенстве¹.

¹ В предлагаемой книге приводятся цитаты из творений святых отцов, входящих в том числе в состав «Добротолюбия», в оригинальном переводе свт. Феофана. По этой причине в выходных данных отсутствуют ссылки на конкретные издания цитируемых источников.

Отдел I

О Начале христианской жизни через Святое Крещение с указанием, как сохранить эту благодать в период воспитания

Как начинается в нас христианская жизнь?

Надо нам уяснить себе, когда и как начинается истинно христианская жизнь, для того чтобы видеть, положено ли в нас начало этой жизни, и в случае, если не положено, знать, как положить его, насколько это от нас зависит. То нерешительный еще признак истинной жизни во Христе, если кто-нибудь именуется христианином и принадлежит к Церкви Христовой. *Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство... (Мф 7, 21). И не все те Израильтяне, которые от Израиля (Рим 9, 6).* Можно быть в числе христиан и не быть христианином. Это всякий знает.

Есть момент, и момент весьма заметный, резко обозначающийся в течение жизни нашей, когда кто начинает жить по-христиански. Это тот момент, когда в нем начинают качественно отличаться черты жизни христианской. Христианская жизнь есть ревность и сила пребывать в общении с Богом деятельном, по вере в Господа нашего Иисуса Христа, при помощи благодати Божией, исполнением святой воли Его, во славу пресвятого имени Его. Существо жизни христианской состоит в богообщении о Христе Иисусе, Господе нашем, – в богообщении, вначале обычно сокровенном не только от других, но и от себя. Видимое же или ощущаемое внутри нас, свидетельство о ней есть жар деятельной ревности исключительно о христианском богоугождении с полным самоотвержением и ненавидением всего тому противного. Так, когда начинается сей жар ревности, тогда полагается начало христианской жизни; и в ком он постоянно действует, тот живет по-христиански.

На этой отличительной черте надо остановить немного подольше наше внимание.

Огонь пришел Я низвести на землю, говорит Спаситель, и как желал бы Я, чтобы он возгорелся (Лк 12, 49). Это говорит Он о христианской жизни, и говорит потому, что видимое ее свидетельство составляет возжигаемая в сердце Духом Божиим ревность о богоугождении, похожая на огонь, ибо как огонь сжигает то вещество, в которое внедряется, так и ревность о жизни по Христе сжигает душу, которая восприняла ее. И как во время пожара пламя охватывает все здание, так и воспринятый огонь ревности объемлет и наполняет все существо человека.

В другом месте Господь говорит: *Ибо всякий огнем осолится... (Мк 9, 49).* И это есть указание на огонь духа, ревностью проникающего все существо наше. Как соль, проникая удобообразуемое вещество, предохраняет его от гниения, так и дух ревности, проникая во все наше существо, изгоняет грех, растлевающий нашу природу и по душе, и по телу, из всех даже малейших его вместилищ и хранилищ и тем спасает нас от нравственной порчи и растления.

Апостол Павел заповедует: *Духа не угашать (1 Фес 5, 19), в усердии не ослабевайте, духом пламенейте (Рим 12, 11)* – заповедует это всем христианам, чтобы помнили, что горение духа, или неленостное тщание, есть неотъемлемое свойство христианской жизни. В другом месте о себе говорит он: *забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе (Флп 3, 13–14);* и другим внушает: *так бегите, чтобы получить (1 Кор 9, 24).* Значит, в жизни христианской, вследствие жара ревности, есть некоторая быстрота и живость духовная, с которой берутся за дела богоугодные, попирая себя и охотно принося в жертву Богу всякого рода труды, без жаления себя.

Утверждаясь на таком понятии, легко можно заключить, что холодное исполнение уставов Церкви, равно как регулярность в делах, устанавливаемая расчетливым рассудком, исправность, степенность и честность в поведении еще не суть решительные указатели, что качественно в нас истинно христианская жизнь. Все это хорошо, но коль скоро не носит в себе духа жизни о Христе Иисусе, не имеет никакой пред Богом цены. Такого рода дела будут тогда как бы бездушными истуканами. И часы хорошие идут исправно; но кто скажет, что в них есть жизнь?! Так и тут: *часто ты носишь имя, будто жив, будучи на деле мертв* (Откр 3, 1). Эта добропорядочность поведения больше всего может вводить в обольщение. Истинное его значение зависит от внутренних расположений, в которых возможны значительные отклонения от существенной правды при делах правых. Как, удерживаясь внешне от дел греховных, можно питать к ним привязанность или сослаждение в сердце, так равно, делая дела правые внешне, можно не иметь к ним расположения сердечного. Только истинная ревность как добро хочет совершать во всей полноте и чистоте, так и грех преследует до малейших его оттенков. Первого ищет она как насущного хлеба, с последним поступает как с врагом смертельным. Враг врага ненавидит не только в лице его собственном, но ненавидит родных его и знакомых, даже вещи его, цвет, ему любимый, вообще все, что сколько-нибудь напоминает о нем. То же и ревность о богоугождении истинная: преследует грех в малейших о нем напоминаниях или намеках; ибо ревнует о решительной чистоте. Не будь этого, сколько нечистоты может залечь в сердце!

И какого успеха можно ожидать, когда нет стремительной ревности о христианском богоугождении? В чем нет труда, то будет еще исполняться; но коль скоро потребуются в чем-либо усиленный труд или какое-либо самопожертвование – тотчас последует отказ, по невозможности совладеть с собой. Ибо тогда не на что будет опереться, чтобы подвигнуть себя на доброе дело; саможаление подорвет все опоры. Если же примешается другое какое побуждение, кроме указанного, то оно и доброе дело сделает недобрым. Соглядатаи при Моисее убоились оттого, что себя жалели. Мученики охотно шли на смерть оттого, что их сжигал внутренний огонь. Истинный ревнитель не законное только делает, но и совет, и всякое благое внушение, тайно печатлеемое в душе; делает не представляющееся только, но бывает изобретателем на добро, весь в заботах об одном добре прочном, истинном, вечном. «Везде потребно нам, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – усердие и многое разжжение души, готовое ополчиться против самой смерти; ибо иначе невозможно Царствие получить»².

Дело благочестия и богообщения есть дело многотрудное и многоболезненное, особенно на первых порах. Где взять сил, чтобы подъять все эти труды? При помощи благодати Божией – в одушевленной ревности. Купец, воин, судья, ученый проходят службу многозаботливую и многотрудную. Чем поддерживают они себя в трудах своих? Воодушевлением и любовью к своему делу. Не иным чем можно поддерживать себя и на пути благочестия. А без этого мы будем находить в служении Богу томность, тяготу, скуку, вялость. И тихоход идет, но с болезнью, тогда как для быстрой серны или проворной белки движение и переход составляют удовольствие. Богоугождение ревностное есть отрадное, окрыляющее дух шествие к Богу. Без него можно испортить все дело. Надо все делать во славу Божию, наперекор живущему в нас греху; а без этого мы будем все исполнять только по привычке, по требованию приличия, потому что так издавна делалось и так делают другие. Надо делать **все**; а в противном случае мы иное сделаем, а иное нет, и притом без всякого сокрушения и даже памяти о пропусках. Надо все делать со вниманием и осмотрительностью как **главное дело**; а иначе мы будем делать как пришлось.

Итак, ясно, что без ревности христианин – плохой христианин: вялый, расслабленный, безжизненный, ни тепел, ни хладен, и жизнь такая – не жизнь. Сие ведая, потщимся явить себя

² Свт. Иоанн Златоуст. Беседа 31 на Деяния апостольские. М., 1994.

истинными ревнителями добрых дел, чтобы быть истинно угодными Богу, не имея скверны или порока или нечто от таковых.

Итак, верное свидетельство о жизни христианской есть огонь деятельной ревности о богоугождении. Спрашивается теперь, как возжигается сей огонь? Кто его производители?

Такая ревность производится действием благодати, однако же и не без участия свободной нашей воли. Жизнь христианская не есть жизнь естественная. Таково же должно быть и ее начало, или первое ее пробуждение. Как в семени растительная жизнь пробуждается тогда, когда к сокрытому в нем ростку проникает влага и теплота и через них – всевосстанавливающая сила жизни, так и в нас жизнь Божественная пробуждается, когда проникает в сердце Дух Божий и полагает там начало жизни по духу, очищает и собирает воедино омраченные и разбитые черты образа Божия. Пробуждается желание и свободное искание (действием извне), потом нисходит благодать (через Таинства) и, сочетавшись с свободой, рождает мощную ревность. И никто не думай сам собой родить такую силу жизни: о ней должно молиться и быть готовым принять ее. Огонь ревности с силой – это благодать Господня. Дух Божий, сходя в сердце, начинает действовать в нем не снедающей только, но и вседействующей ревностью.

Иным приходит на мысль: зачем это действие благодати? Неужели мы сами не можем делать добрых дел? Вот мы сделали то и то доброе дело. Поживем и еще что-либо сделаем. Редкий, может быть, не останавливался на этом вопросе. Иные говорят, что мы не можем сами собой ничего доброго делать. Но здесь дело не об отдельных добрых делах, а о перерождении всей жизни, о жизни новой, о жизни в целом ее составе – такой, которая приводит к спасению. При случае нетрудно что-нибудь сделать даже очень хорошее, как делали и язычники. Но пусть кто намеренно определит себя на неопустительное доброделание, определит порядок его по указанию слова Божия – и это не на один месяц или год, но на всю жизнь – и положит неуклонно пребывать в сем порядке, и потом, когда пребудет верен тому, пусть хвалится своей силой; а без этого не лучше ли заградить уста свои. Мало ли бывало и бывает опытов самодельного начинания и устройства христианского жития? И все они оканчивались и оканчиваются ничем. Постоит немного человек в новоизбранном порядке – и бросает. И как иначе? Нет сил. Только вечной силе Божией свойственно поддерживать нас неизменными в расположении, среди непрерывных приливов изменений временных. Потому надо преисполниться этой силой, испросить ее и принять по чину – и она приподнимет нас и извлечет из этого тревожения временного.

Обратитесь еще к опыту и посмотрите, когда приходят такие помышления самодовольства? Когда человек бывает в покойном состоянии, когда его ничто не смущает, ничто не прельщает и не влечет ко греху, тогда он готов на самое святое и чистое житие. Но чуть движение страсти или соблазн – куда все обеты?! Не говорит ли себе часто человек, ведущий невоздержную жизнь: теперь не буду больше. Но насыщение страсти прошло, новый позыв восстает, и он опять является во грехах. Хорошо рассуждать о перенесении обид, когда все идет по нашей воле, не наперекор самолюбию. Тут, пожалуй, странным покажется чувство оскорбления или сердчания, какому предаются другие. Но случись самим быть в подобном положении, тогда и один взгляд, не только слово, выведет из себя. Так можно в самонадеянности мечтать о возможности самому собой, без высшей помощи, вести жизнь христианскую, когда покоен дух. Но когда зло, слегшееся на дне сердца, возматется, как прах ветром, тогда в собственном опыте найдет каждый осуждение своей заносчивости. Когда помысл за помыслом, желание за желанием – одно другого хуже – начинают тревожить душу, тогда забудет всякий про себя и невольно воззовет с пророком: *внидоша воды до души моя, углебох в тимении глубины* (Пс 68, 2–3); *О, Господи, спаси же! О, Господи, поспеши же* (Пс 117, 25).

Не бывает ли часто так: мечтает иной в самоуверенности пребывать в добре. Но вот воображено лицо или вещь, родилось желание, возбудилась страсть; человек увлечен и пал. После этого оставалось бы только посмотреть на себя и сказать: как это худо! Но вот представился

случай к развлечениям – и он снова готов забыться. Далее, кто-нибудь оскорбил – началась брань, укоры, суд; представилась неправая, но выгодная сделка – берется и за то: одного унизил, с другим поделился, третьего толкнул с места, – и все это после того, как хвалился возможностью самому, без особой помощи свыше, вести себя свято. Где же сила? *Дух бодр, плоть же немощна* (Мф 26, 41). Видишь добро и творишь зло: *хочу делать доброе, прилежит мне злое* (Рим 7, 21). Мы в плену: искупи нас, Господи!

Один из первых вражеских наветов на нас есть помысл самонадеянности, то есть если не отвержение, то нечувствование нужды в благодатной помощи. Враг как бы так говорит: «Не ходи туда – к свету, где хотят тебе дать какие-то новые силы! Ты у меня и так хорош». Человек и предается покою. А враг между тем – где подкинет камень (неприятности), где наведет на скользкое место (прелести страстей), где усее цветами закрытые силки (светлая обстановка). Не оглядываясь, человек стремится все далее и далее и не догадывается, что ниспадает все ниже и ниже, пока наконец не низойдет на самое дно зла – к преддверию ада. Не нужно ли в таком случае крикнуть ему, как первому Адаму: «Человек, где ты? Куда ты зашел?» Вот это воззвание и есть действие благодати, заставляющее грешника в первый раз осмотреться на себя.

Итак, желаешь начать жить по-христиански, взыщи благодати. Минута, когда низойдет благодать и сочетается с твоей волей, будет минутой рождения жизни христианской – сильной, твердой, многоплодной.

Где обрести и как принять благодать, начинающую жизнь? Стяжание благодати и освящение ею нашего естества совершается в Таинствах. Здесь мы предлагаем действию Божию, или предносим Богу свою непотребную природу, – и Он действием Своим претворяет ее. Богу угодно было для поражения гордого ума нашего в самом начале истинной жизни сокрыть силу Свою под сенью вещества простого. Как это бывает, не постигаем, но опыт всего христианства свидетельствует, что иначе не бывает.

Таинств, преимущественно относящихся к началу жизни христианской, два: **крещение** и **покаяние**. Потому и правила касательно начала жизни истинно христианской собираются одни вокруг крещения, а другие – вокруг покаяния.

Отдел II

О начале христианской жизни через покаяние или О покаянии и обращении грешника к Богу

Как начинается жизнь христианская в Таинстве Крещения?

Крещение есть первое в христианстве Таинство, содействующее человека-христианина достойным сподобляться даров благодати и через другие Таинства. Без него нельзя войти в мир христианский – сделаться членом Церкви. Предвечная Премудрость создала себе дом на земле: дверь, вводящая в сей дом, есть Таинство крещения. Сей дверью не только входят в дом Божий, но при ней же облакаются и в достойную его одежду, получают новое имя и знак, отпечатывающийся во всем существе крещаемого, посредством которого раз узнают и различают его потом и небесные, и земные.

Кто во Христе, тот новая тварь, учит апостол (2 Кор 5, 17). Этой новой тварью христианин становится в крещении. Из купели человек выходит совсем не таким, каким туда входит. Как свет тьме, как жизнь смерти, так крещеный противоположен некрещеному. Зачатый в беззакониях и рожденный во грехах, человек до крещения носит в себе весь яд греха, со всею тяготой его последствий. Он состоит в немилости Божией, есть естеством чадо гнева; поврежден, расстроен сам в себе, в соотношении частей и сил и в их направлении преимущественно на размножение греха; подчинен влиянию сатаны, который действует в нем властно по причине греха, живущего в нем. Вследствие всего этого он по смерти неминуемо есть оброчник ада, где должен мучиться вместе с своим князем и его клеветами и слугами.

Крещение избавляет нас от всех этих зол. Оно снимает клятву силой Креста Христова и возвращает благословение: крещеные суть чада Божии, как именоваться и быть дал им область Сам Господь. *А если дети, то и наследники Божии, сонаследники же Христу...* (Рим 8, 17). Царство Небесное принадлежит крещаемому уже по самому крещению. Он изымается из-под владычества сатаны, который теперь теряет власть над ним и силу самовольно действовать в нем. Вступлением в Церковь – дом прибежища – сатане заграждаются входы к новокрещеному. Он здесь как в безопасной ограде.

Все это – духовно-внешние преимущества и дарования. Что происходит внутри? Исцеление греховной болезни и повреждения. Сила благодати проникает внутрь и восстанавливает здесь Божественный порядок во всей его красоте, врачует расстройство как в составе и отношении сил и частей, так и в главном направлении от себя к Богу – на богоугождение и умножение добрых дел. Почему крещение и есть возрождение или новое рождение, поставляющее человека в обновленное состояние. Апостол Павел всех крещеных сравнивает с воскресшим Спасителем, давая разуметь, что и у них такое же светлое в обновлении существо, каким явилось человечество в Господе Иисусе, через воскресение Его во славе (ср.: Рим 6, 4). Что и направление деятельности в крещеном изменяется, это видно из слов того же апостола, который говорит в другом месте, *чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего* (2 Кор 5, 15). *Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха, а что живет, то живет для Бога* (Рим 6, 10). *Мы погреблись с Ним в смерть* (Рим 6, 4), и: *ветхий наш человек распят с Ним... дабы нам не быть уже рабами греху* (Рим 6, 6). Так вся деятельность человека силой крещения обращается от себя и греха к Богу и правде.

Замечательно слово апостола: *Грех не должен над вами господствовать...* (Рим 6, 14), и другое: грех вами да не обладает. Это дает нам разуместь, что то, что в расстроенной падшей природе составляет силу, влекущую ко греху, не истребляется вконец в крещении, а только поставляется в такое состояние, в котором не имеет над нами власти, не обладает нами и мы не работаем ему. Оно в нас же находится, живет и действует, только не как господин. Главенство с этих пор принадлежит уже благодати Божией и духу, сознательно себя ей предающему. Святой Диадок, объясняя силу крещения, говорит, что до крещения грех живет в сердце, а благодать извне действует; после же этого благодать вселяется в сердце, а грех влечет извне. Он изгоняется из сердца, как враг из укрепления, и поселяется вне, в частях тела, откуда и действует раздробленно набегами. Почему и есть непрестанный искунитель, соблазнитель, но уже не властелин: беспокоит и тревожит, но не повелевает³.

Так зарождается новая жизнь в крещении! Что при этом требуется со стороны человека или как доходит он до того, что обновляется в крещении, изображено в «Начертании нравов учения христианского», особенно в статье «Норма христианской жизни». Здесь это не повторяется, потому что возрастной, приступающий к крещению, есть то же, что грешник, обратившийся к Богу в покаянии; а об этом последнем речь будет впереди не краткая, во втором отделе. Тогда вполне будет удовлетворено любование всякого об этом предмете.

Здесь обращается внимание на то, как начинается через крещение жизнь христианская в тех, кто крестятся младенцами, как это бывает преимущественно между нами. Ибо здесь начало христианской жизни устроится с некоторой характеристической особенностью, вытекающей из отношения благодати к свободе.

Вы уже знаете, что благодать нисходит на свободное желание и искание и что только взаимным сочетанием их зачинается сообразная с благодатью и свойством свободной твари новая благодатная жизнь. Господь подает благодать туне; но требует, чтобы человек искал ее и желательно воспринимал ее, посвящая себя всецело Богу. Исполнение этого условия в покаянии и в крещении возрастных очевидно. Но как оно исполняется в крещении младенцев? Младенец не имеет употребления разума и свободы, следовательно, не может исполнить условия к началу христианской жизни со своей стороны, то есть желания посвятить себя Богу. Между тем сие условие непременно должно быть исполнено. От способа исполнения этого условия начало жизни, через крещение младенцев, совершается с некоторой характеристической особенностью. Именно.

Благодать нисходит на младенческую душу и производит в ней все одна, так, как бы при сем участвовала и свобода, на том единственно основании, что в будущем не сознающий себя и не действующий лично младенец, когда придет в сознание, сам охотно посвятит себя Богу, желательно воспримет благодать, нашедши в себе ее действия, рад будет, что она есть, возблагодарит, что так сделано для него, и исповедует, что если бы в минуту крещения даны были ему смысл и свобода, он не иначе поступил бы, как поступлено, и не захотел бы иного. Ради такого будущего свободного посвящения себя Богу и сочетания свободы с благодатью Божественная благодать вся подается младенцу и без него все в нем производит, что производить ей свойственно, по одному уверению, что требуемое желание и предание себя Богу будет несомненно, – уверению, какое дают восприемники, поручаясь Богу пред Церковью, что сей младенец, пришедши в сознание, явит именно такое употребление свободы, какое требуется для благодати, приемля на себя обязанность самым делом довести до того восприемлемого младенца.

Таким образом, через крещение в младенце полагается семя жизни о Христе и есть в нем; но она еще как бы не его – действует как образующая его сила. Жизнь духовная, зарождающаяся

³ *Блж. Диадок.* Подвижническое слово, разделенное на сто глав деятельных, исполненных ведения и рассуждения духовного // Добротолюбие. Т. 3. Гл. 79 и далее.

благодатью крещения в младенце, станет собственной человеку, явится в полном своем виде, сообразной не только с благодатью, но и с свойством разумной твари, с того времени, когда он, возникши к сознанию, свободным произволением посвятит себя Богу и желательным, радостным и благодарным восприятием усвоит себе обретенную в себе благодатную силу. И до этого времени в нем действует жизнь истинно христианская, но как бы без его ведома, действует в нем, а есть еще как бы не его; с минуты же сознания и избрания она становится его собственной, не благодатной только, но и свободной.

По причине этого более или менее продолжительного промежутка между крещением и посвящением себя Богу начало христиански – нравственной жизни через благодать крещения в младенцах расширяется, так сказать, на неопределенное пространство времени, в продолжение которого младенец зреет и образуется в христианина в Святой Церкви среди христиан, как прежде телесно образовался в утробе матери.

Установитесь, читатель, покрепче в этой мысли. Она нам крайне будет нужна при определении того, как родители, восприемники и воспитатели должны обходиться с крещеным младенцем, который вверяется им от Святой Церкви и Господа.

Понятно само собой, что после крещения младенца очень важное дело предлежит родителям и восприемникам: так вести крещеного, чтобы он, придя в разум, сознал в себе благодатные силы, с радостным желанием воспринял их, равно как и сопряженные с ними обязанности и требуемый ими образ жизни. Это лицом к лицу поставляет с вопросом о христианском воспитании или о воспитании по требованию благодати крещения с целью сохранения сей благодати.

Чтобы яснее было, как должно обходиться с крещеным младенцем в показанных целях, надо привести себе на память высказанную прежде мысль, что благодать осеняет сердце и обитает в нем, когда в нем качествует обращение от греха и себя к Богу. Ради этого настроения, деятельно являемого, далее подаются и все другие дары благодати и все преимущества благодатствованных: благоволение Божие, сонаследие Христу, поставление вне области сатаны, вне опасности быть осуждену в ад. Коль же скоро это настроение ума и сердца умалется или теряется, тотчас грех снова начинает обладать сердцем, а через грех налагаются узы сатаны и отъемлются благоволение Божие и сонаследство Христу. Благодать в младенце укрощает и заглушает грех; но он может снова ожить и восстать, если дать ему пищу и свободу. Итак, все внимание тех, на ком лежит обязанность блюсти в целости принятое из купели дитя-христианина, должно быть обращено на то, чтобы никак не допустить опять возобладать над ним греху, всячески подавлять сей последний и обессиливать, а направление к Богу возбуждать и укреплять. Должно сделать, чтобы такое настроение в растущем христианине росло хотя по чужому руководству, но самодеятельно, чтобы он более и более привыкал преобладать над грехом и одолевая его ради богоугождения, привыкал так употреблять силы духа и тела, чтобы это было не работа греху, а служение Богу. Что это возможно, видно из того, что рожденный и крещеный есть весь – семя будущего или земля, исполненная семян. Влитое благодатью крещения новое настроение не есть мысленное только или вменяемое, а действительное, то есть тоже есть семя жизни. Если вообще всякое семя развивается по роду своему, то может развиваться и семя благодатной жизни в крещеном. Если в нем положено семя преобладающего над грехом обращения к Богу, то оно также может быть развито и возвращено, как и другие семена. Должно только употребить на это действенные средства или определить целесообразный способ действовать на крещеного младенца.

Цель, к какой все при этом должно быть направлено, состоит в том, чтобы этот новый человек, придя в сознание, сознал себя не человеком только, существом разумно-свободным, но вместе лицом, вступившим в обязательство с Господом, с Которым соединена неразрывно его вечная участь; не только сознал себя таким, но и находил себя способным действовать по этому обязательству и видел в себе преимущественное к тому тяготение. Спрашивается, как

этого достигнуть? Как поступать с крещеным, чтобы, пришедши в возраст, он ничего более не желал, как быть истинным христианином. Или – как воспитывать по-христиански?

В ответ на это не беремся рассматривать все подробно. Ограничимся одним общим обзором всего дела христианского воспитания, указуя, как в каком случае поддерживать и укреплять добрую в детях сторону и как обессиливать и подавлять худую.

Здесь прежде всего внимание останавливается на младенце в колыбели, до пробуждения в нем каких-либо способностей. Младенец живет, следовательно, можно влиять на его жизнь. Здесь приложимы Святые Тайны, за ними вся церковность и с ними вместе вера и благочестие родителей.

Все это в совокупности составит спасительную вокруг младенца атмосферу. Всем этим таинственно наитствуется благодатная жизнь, зачатая в младенце.

Частое причащение Святых Христовых Таин (можно прибавить: сколько можно частое) живо и действительно соединяет с Господом новый член Его через пречистое Тело и Кровь Его, освящает его, умиротворяет в себе и делает непреступным для темных сил.

Поступающие таким образом замечают, что в тот день, когда причащают дитя, оно бывает погружено в глубокий покой, без сильных движений всех естественных потребностей, даже тех, которые в детях сильнее действуют. Иногда оно исполняется радостью и игрием духа, в котором готово всякого обнимать как своего. Нередко святое причащение сопровождается и чудодействиями. Святой Андрей Критский в детстве долго не говорил. Когда сокрушенные родители обратились к молитве и благодатным средствам, то во время причащения Господь благодатью Своей разрешил узы языка, впоследствии напоившего Церковь потоками сладкоречия и премудрости. Один доктор по своим наблюдениям свидетельствовал, что в большей части детских болезней следует носить детей к святому причащению, и очень редко имел нужду употреблять потом медицинские пособия.

Большое влияние имеет на детей частое ношение в церковь, прикладывание к святому кресту, Евангелию, иконам, накрывание воздухами; также и дома: частое поднесение под иконы, частое осенение крестным знаменем, окропление святой водой, курение ладаном, осенение крестом колыбели, пищи и всего прикасающегося к ним, благословение священника, приношение в дома икон из церкви и молебны; вообще – все церковное чудным образом возгревает и питает благодатную жизнь дитяти, и всегда есть самая безопасная и непроницаемая ограда от покушения невидимых темных сил, которые всюду готовы проникнуть в развивающуюся только душу, чтобы своим дыханием заразить ее.

Под этим видимым охранением есть невидимое: Ангел Хранитель, Господом приставленный к младенцу с самой минуты крещения. Он блюдет его, своим присутствием невидимо влияет на него и в нужных случаях внушает родителям, что надо сделать с находящимся в крайности детищем.

Но все эти столь крепкие ограды, эти сильные и действительные наития может разорить и лишит плода неверие, небрежность, нечестие и недобрая жизнь родителей. Это уже и потому, что при этом те средства или не употребляются, или употребляются не так, как должно; но особенно по влиянию внутреннему. Правда, Господь милосерд, особенно к невинным, но есть непостижимая для нас связь души родителей с душой детей, и мы не можем определить, до какой степени простирается влияние первых на последних; и вместе до какой степени при заразительном влиянии первых простирается милосердие и снисхождение Божие к последним. Бывает, что оно прекращается, и тогда заготовленные причины приносят свой плод. Потому дух веры и благочестия родителей должно почитать могущественнейшим средством к сохранению, воспитанию и укреплению благодатной жизни в детях.

Дух младенца как бы не имеет еще движения в первые дни, месяцы, даже и годы. Что-нибудь передать ему для усвоения обычным путем нельзя. Но можно действовать на него посредственно.

Есть некоторый особенный путь общения душ через сердце. Один дух влияет на другой чувством. Такое влияние на душу младенца тем удобнее, чем полнее и глубже родители сердцем своим обращены в младенца. Отец и мать исчезают в дитяти и, как говорят, не чают души. И если их дух проникнут благочестием, то быть не может, чтобы оно по своему роду не действовало на душу дитяти. Лучший внешний проводник при этом – взор. Тогда как в других чувствах душа остается сокрытой, глаз открывает ее взору другим. Это точка встречи одной души с другой. Пусть же через это отверстие проходят до души дитяти души матери и отца с чувствами святыми. Они не могут не намазать ее этим святым елеем. Надо, чтобы во взоре их светилась не одна любовь, которая так естественна, но и вера, что на руках у них более чем простое дитя, и надежда, что Тот, Кто дал им под надзор это сокровище, как некоторый сосуд благодати, снабдит их и достаточными силами к тому, чтобы сохранять его, и, наконец, непрерывно в духе совершаемая молитва, возбуждаемая надеждой по вере.

Когда таким образом родители оградят колыбель своего дитяти этим духом искреннего благочестия, когда при этом с одной стороны Ангел Хранитель, с другой – Святые Тайны и вся церковность будут действовать на него совне и внутрь, то этим составитя вокруг зачинающейся жизни сродная ей духовная атмосфера, которая перельет в нее и свой характер, подобно тому как и кровь, начало жизни животной, в свойствах своих много зависит от окружающего воздуха. Говорят, что вновь устроенный сосуд хранит долго, если не всегда, запах того вещества, которое вольют в него в ту пору. То же должно сказать и о показанном устройении около детей. Оно благодатно-спасительно проникает в устанавливающиеся формы жизни дитяти и будет полагать на них свою печать. Здесь же и непроходимая преграда влиянию духов злобы.

Начав такое устройство от колыбели, должно уже продолжать его потом и во все время воспитания: и в детстве, и в отрочестве, и в юношестве. Церковь, церковность и Святые Тайны – как скиния для детей, под которой они должны быть неисходно. Примеры показывают, как это спасительно и многоплодно, – Самуил, Феодор Сикеот и другие. Даже одним этим могут быть заменены, как и заменяются не без успеха, все средства воспитания. Древний способ образования в этом преимущественно и состоял.

Когда у дитяти начинают пробуждаться силы, одна за другой, родителям и воспитателям должно усугубить внимание. Ибо когда под осенением показанных средств будет возрастать и усиливаться в них тяготение к Богу и увлекать вслед за собой силы, в то же самое время и живущий в них грех не дремлет, а усиливается завладеть теми же силами. Неизбежное следствие этого – брань внутренняя. Так как дети не способны ее вести сами, то место их разумно заменяют родители. Но как она должна быть ведена все же силами детей, то родители строго должны блюсти начатки их пробуждения, чтобы с первой минуты дать им склонение, сообразное с главной целью, к какой они должны быть направляемы.

Так начинается брань у родителей с грехом, живущим в дитяти. Хотя грех этот и лишен точки опоры, однако ж действует и, чтобы остановиться на чем-нибудь прочном, старается завладеть силами тела и души. Должно не допускать до этого и как бы вырывать силы из рук греха и передавать Богу. Но чтобы действовать при этом не без основания, а с разумным ведением верности избранного способа, надо хорошо себе уяснить, чего ищет оставшийся грех, чем питается, через что именно завладевает нами. Основные возбудители, влекущие ко греху, суть своеумие (или пытливость) – в уме, своеволие – в воле, самоуслаждение – в чувстве. Поэтому должно так вести и направлять развивающиеся силы души и тела, чтобы не отдать их в плен плотоугодию, пытливости, своеволию и самоуслаждению – ибо это будет плен греховный, – а, напротив, приучать отрешаться от них и преобладать над ними и таким образом сколько можно обессиливать их и доводить до безвредности. Это главное начало. С ним должно потом сообразовать и все воспитание. Пересмотрим с этой целью главнейшие действия тела, души и духа.

Прежде всего пробуждаются и потом постоянно состоят в живой деятельности до самой смерти потребности тела. Тем необходимее поставить их в должные пределы и закрепить навы-

ком, чтобы потом меньше было от них беспокойства. Здесь неточное для телесной жизни отправление есть питание. В нравственном отношении оно есть седалище страсти к греховному услаждению плоти или поприще его развития и питания. Поэтому должно так питать дитя, чтобы, развивая жизнь тела, доставляя ему крепость и здоровье, не разжечь в душе плотоугодия. Не должно смотреть, что дитя мало, – надо с первых лет начинать остепенять преклонную к грубому веществу плоть и приучать дитя к обладанию над ней, чтобы и в отрочестве, и в юношестве, и после них легко и свободно можно было управляться с этой потребностью. Первая закваска очень дорога. От детского питания многое зависит в последующем. Незаметно можно развить сластолюбие и неумеренность в пище – два вида чревоугодия, эти губительные для тела и души склонности, прививающиеся к питанию.

Поэтому даже врачи и педагоги советуют: 1) избирать здоровую и годную пищу, судя по возрасту воспитываемого: ибо одна пища пригодна для младенца, другая для дитяти, отрока и юноши; 2) подчинить употребление ее известным правилам (опять приспособительно к возрасту), в которых бы определялось время, количество и способ питания; и 3) потом от установленного таким образом порядка без нужды не отступать. Этим приучится дитя не всегда требовать пищи, как захочется есть, а ждать определенного часа; здесь же первые опыты упражнения в отказывании себе в своих желаниях. Где кормят дитя всякий раз, как оно заплачет, и потом всякий раз, как запросит есть, там до того расслабляют его, что после уже оно не иначе как с болезнью может отказываться от пищи. Вместе с этим оно привыкает к своенравию от того, что успеваешь выпрашивать или выплакивать все желаемое. Той же мере должно подчинить и сон, и теплоту с холодом, и другие удобства, естественно необходимые в деле питания, имея неопустительно в виду – не разжечь страсти к чувственным наслаждениям и приучить отказывать себе. Это должно строго соблюдать во все время воспитания – изменяя, как само собой разумеющееся, правила в применениях, а не в существе – до тех пор, пока воспитываемый, утвердившись в них, возьмет сам себя в руки.

Второе отправление тела есть движение; орган его – мускулы, в которых лежат сила и крепость тела, орудия труда. В отношении к душе оно – седалище воли и очень способно развивать своеволие. Мерное, благоразумное развитие этого отправления, сообщая телу возбужденность и живость, приучает к трудам и образует степенность. Напротив, развитие превратное, оставленное на произвол, в одних развивает непомерную резвость и рассеянность, в других – вялость, безжизненность, леность. Первое укрепляет и обращает в закон своенравие и непокорность, в связи с которым находятся задорность, гневливость, неудержимость в желаниях. Последнее погружает в плоть и предаёт чувственным наслаждениям. Итак, должно иметь в виду, чтобы, укрепляя силы тела, не раздуть через то своеволие и ради плоти не погубить духа. Для этого главное – мерность, предписание, надзор. Пусть дитя резвится, но в то время, в том месте и тем родом, как ему приказано. Воля родителей должна запечатлевать всякий их шаг, разумеется, в общем. Без этого легко может покривиться нрав дитяти. Своевольно порезвившись, дитя всегда возвращается не с готовностью слушаться даже в каких-нибудь малостях. И это – с одного раза; что же сказать, где эта часть совсем в небрежении? Как трудно после истребить своенравие, коль скоро оно осядет в теле, как в крепости. Не гнется шея, не движется рука и нога, и глаз даже не хочет смотреть, как приказывают. Напротив, дитя выходит преподвижное на всякое приказание, где с самого начала не дают воли его движениям. Сверх того, нельзя лучше привыкнуть владеть своим телом, как заставляя его напрягаться по указаниям.

Третье отправление телесное лежит на нервах. Из нервов чувства – орудия наблюдений и пища пытливости. Но об этом после. Теперь же о другом общем назначении нервов как седалище чувствительности тела или способности принимать приятные и неприятные для него внешние впечатления. В этом отношении должно поставить правилом приучить тело безболезненно переносить всякого рода влияния внешние: от воздуха, воды, перемен температуры, сырости, жара, холода, уязвлений, болей и прочего. Кто приобрел такой навык, тот счастли-

вейший человек, способный на самые трудные дела во всякое время и во всяком месте. Душа в таком человеке является полной владычицей тела, не отсрочивает, не изменяет, не оставляет дел, боясь неприятностей телесных; напротив, с некоторым желанием обращается к тому, чем может озлобляться тело. А это очень важно. Главное зло в отношении к телу – телолобие и жаление тела. Оно отнимает всякую власть у души над телом и делает первую работой последнего; напротив, не жалеющий тела не будет в своих предприятиях смущаться опасения со стороны слепого животолюбия. Как счастлив приученный к этому с детства! Сюда относятся медицинские советы касательно купания, времени и места гуляний, платья; главное – содержать тело не так, чтобы оно принимало одни только приятные впечатления, а, напротив, более содержать под впечатлениями обеспокоивающими. Теми разнеживается тело, а этими укрепляется; при тех дитя всего боится, а при этих на все готово и способно стоять в начатом терпеливо.

Такого рода обращение с телом предписывается педагогией. Здесь показывается только, как эти советы пригодны и к развитию христианской жизни именно тем, что ревностное их исполнение заграждает вход в душу непотребному зелью чувственных наслаждений, своеволия, телолобия или саможаления, образует противоположные им расположения и вообще приучает владеть телом как органом и не подчиняться ему. А это очень важно в жизни христианской, по самому существу своему отрешенной от чувственности и всякого угодия плоти. Итак, не должно оставлять на произвол развитие тела дитяти, а надо держать его под строгой дисциплиной с самого начала, чтобы потом передать его в руки самого воспитываемого уже приспособленным к жизни христианской, а не враждебным ей. Истинно любящие детей родители-христиане не должны жалеть ничего, ни даже своего родительского сердца, чтобы доставить это благо детям. Ибо иначе все последующие дела их любви и попечения будут или малоплодны, или даже бесплодны. Тело – седалище страстей, и большей частью самых свирепых, каковы похоть и гнев. Оно же и орган, через который демоны проникают в душу или приселяются к ней. Само собой разумеется, что при этом не должно упускать из вида церковности и из нее ничего такого, чем можно прикасаться к телу, ибо тем будет освящаться тело и усмиряться жадная животность.

Все здесь не пишется, а только указывается главный тон действия на тело. Подробности укажет дело, кому нужно. По этому очерчанию разумеется и то, как должно обходиться с телом и во все прочее время жизни, ибо дело у нас с ним одно.

Вместе с обнаружением телесных потребностей и в душе не замедляются высказываться низшие способности в естественной их последовательности. Вот дитя начинает останавливать взор свой на том или другом предмете, и на одном больше, на другом меньше, как будто один ему нравится более, а другой менее. Это первые начатки употребления чувств, за которыми тотчас следует пробуждение деятельности воображения и памяти. Способности эти стоят на переходе от телесной деятельности к душевной и действуют совместно, так что сделанное одной тотчас передается другой. Судя по важности, какую они имеют в настоящее время в нашей жизни, как хорошо и спасительно первые начатки их освятить предметами из области веры. Первые впечатления глубоко остаются памятными. Помнить надо, что душа является в мир голой силой; возрастает, богатеет во внутреннем содержании и разнообразится в деятельности она уже после. Первый материал, первую пищу для образования своего она получает извне, от чувств, через воображение. Очевидно само собой, какого характера должны быть первые предметы чувств и воображения, чтобы не только не препятствовать, а еще более способствовать образуемой христианской жизни. Ибо известно, что как первая пища имеет значительное влияние на темперамент тела, так и первые предметы, которыми занимается душа, имеют сильное влияние на характер души или тон ее жизни.

Развивающиеся чувства доставляют материал воображению; воображенный предмет хранится в памяти и составляет, так сказать, содержание души. Пусть чувства получают первые

впечатления от предметов священных: икона и свет лампы – для глаз, священные песни – для слуха и прочее. Дитя не понимает еще ничего из того, что у него перед глазами, но его глаз и слух привыкают к этим предметам, и они, предзанимая сердце, тем самым ставят вдали другие предметы. За чувствами и первые упражнения воображения будут священные; ему легче будет воображать эти предметы, чем другие: таковы его первые сгибы. Затем, на будущее время, изящное, которое одной стороной существенно связано с формами чувств и воображения, будет привлекать его не иначе как под священными формами.

Итак, пусть ограждают дитя священными предметами всех видов; все же могущее развратить в примерах, изображениях, вещах – удаляют. Но потом и во все последующее время надо хранить тот же порядок. Известно, как сильно действуют на душу растленные образы, в каком бы виде они ни касались ее! Как несчастно дитя, которое, закрыв глаза или оставшись одно и углубившись в себя, бывает подавляемо множеством непотребных образов, суетных, соблазнительных, дышащих страстями. Это то же для души, что чад для головы.

Не должно также упускать из вида и образа деятельности этих сил. Дело чувств – видеть, слышать, осязать, вообще испытывать, пытаться. Потому они суть первые возбудители пытливости, которая потом ради их переходит в воображение и память и, приобретши в них оседлость, становится несокрушимым тираном для души. Не употреблять чувств нельзя: ибо не иначе как через них и познаются вещи, которые знать должно ради славы Божией и блага нашего. Но при этом неизбежна и пытливость, которая есть неудержимая склонность – без цели видеть и слышать, что где делается и как что бывает. Как же при этом поступить? Испытывание необходимо есть уже пытливость. Пытливость состоит в том, где стараются все разузнать беспорядочно, бесцельно, не различая, нужно ли то или не нужно. Итак, следует только при упражнении чувств соблюдать меру и порядок и обращать их на одно нужное и по сознанию нужды – тогда для пытливости не будет пищи; то есть должно приучить дитя то испытывать, что считается для него необходимым, от всего же другого удерживаться и отстраняться. Потом в самом действии испытывания соблюдать постепенность – не перебегать с предмета на предмет или от одной черты к другой, а, пересматривая одно за другим, о том заботиться, чтобы вообразить после предмет как должно. Такой род занятий избавит дитя от настроения развлекаться даже среди дозволенного, приучит владеть чувствами, а через них и воображением. И оно не будет перебегать от одного к другому без нужды, следовательно, мечтать и развлекаться образами и тем не давать покоя душе, мутя ее приливом и отливом своих беспутных видений. Не умеющий владеть чувствами и воображением необходимо бывает рассеян и непостоянен, будучи томим пытливостью, которая будет гонять его от одного предмета к другому до расслабления сил, и все это без плода.

Современно этим способностям возникают у дитяти страсти и начинают тревожить его с раннего времени. Дитя еще не говорит, не ходит, только что приучилось сидеть и брать игрушки, но уже сердает, завидует, присвоит себе, особится и прочее, вообще являет действие страстей. Это зло, утверждающееся на животной жизни, тлетворно, потому должно противодействовать ему с первых его проявлений. Как это сделать – определить трудно. Все дело зависит от благоразумия родителей. Можно, впрочем, постановить следующее: 1) предупреждать всячески их возникновение; 2) потом, если проявилась какая страсть, надо спешить погасить ее придуманными и испытанными средствами. Этим предотвратится укоренение их или предрасположение к ним. Страсть, чаще других обнаруженную, врачевать должно с особым вниманием, потому что она может быть господствующей распорядительницей жизни. Благонадежнейший способ врачевания страстей – употребление благодатных средств. К ним с верой должно обращаться. Страсть – явление душевное, между тем действовать на душу у родителей сначала нет способов... Потому прежде всего должно молить Господа, да совершит Свое дело. Дальнейшим в этом руководителем для ревностного отца, или матери, или няньки будет опыт. Когда дитя будет со смыслом, тогда могут быть употребляемы уже и общие против страстей

средства. Всячески на них должно вооружаться вначале и преследовать потом во все время воспитания, чтобы дитя умело и привыкло владеть ими, ибо их возмутительные набеги не прекратятся до конца жизни.

Если будет строго соблюдаем предписанный порядок действия на тело и низшие способности, то душа получит от этого прекрасное приготовление к истинно доброму настроению; однако ж только приготовление, самое же настроение надо созидать положительным действием на все его силы: ум, волю и сердце.

На ум. У детей скоро обнаруживается смысленность. Она современна говорению и растет вместе с усовершенсением последнего. Поэтому начать образование ума нужно вместе со словом. Главное, что должно иметь в виду, это здравые понятия и суждения по началам христианским о всем встречающемся или подлежащем вниманию дитяти: что добро и зло, что хорошо и худо. Это сделать очень легко посредством обыкновенных разговоров и вопросов. Родители сами говорят между собой: дети прислушиваются и почти всегда усвоят себе не только мысли, но даже обороты их речи и манеры. Пусть же родители, когда говорят, называют вещи всегда собственными их именами. Например: что значит настоящая жизнь, чем она кончится, от кого все получается, что такое удовольствия, какое достоинство имеют те или другие обычаи и прочее. Пусть говорят с детьми и толкуют им или прямо, или, всего лучше, посредством рассказов: хорошо ли, например, наряжаться; счастье ли это, когда получишь похвалу, и прочее. Или пусть спрашивают детей, как они думают о том и другом, и поправляют их ошибки. В непродолжительном времени этим простым средством можно передать здравые начала для суждений о вещах, которые потом не изгладятся надолго, если не на всю жизнь. Таким способом в самом корне будет подавлено мирское мудрование и пытливость злая, ненасытимая. Истина связывает ум тем, что насыщает его. Мирское же мудрование не насыщает и тем разжигает пытливость. Избавив от него, большое благо доставят детям. И это еще прежде, чем они возьмутся за книги. Далее, стоит только не давать детям книг с растленными понятиями, и ум их сохранится целым, во здравости святой и Божественной. Напрасно не заботятся таким образом упражнять дитя в том предположении, что оно еще мало. Истина доступна всякому. Что малое христианское дитя премудрее философов, показал опыт. Он и теперь повторяется, но прежде он был повсюду. Например, во время мученичества малые дети рассуждали о Господе Спасителе, о безумии идолопоклонства, о будущей жизни и прочем; это оттого, что мать или отец натолковали им о том в простой беседе. Истины эти сроднились с сердцем, которое стало дорожить ими до готовности на смерть за них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.